

18+

ЗАБОЛОТЪ

Алёна Зорина

Алёна Зорина

Заболоть

«Издательские решения»

Зорина А.

Заболоть / А. Зорина — «Издательские решения»,

Три года отец не узнаёт сына. Три года Коля смотрит, как деменция стирает личность человека, который был для него всем. Медицина бессильна.

Таблетки лишь замедляют неизбежное. И тогда Коля находит старую тетрадь своей бабушки Аграфены — записи о деревне Заболоть, что скрыта за болотами, в глухом лесу. О месте, где лечат то, от чего отказываются городские врачи. Где за исцеление берут плату — но не деньгами.

© Зорина А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Ночь	6
Глава 2. Дима	9
Глава 3. Библиотека	12
Глава 4. Звонок и кафе	15
Глава 5. Подготовка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Заболоть

Алёна Зорина

© Алёна Зорина, 2026

ISBN 978-5-0070-1442-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Ночь

Отец кричал.

Не словами — звуком. Глухим, рваным, как будто внутри него что-то ломалось и никак не могло доломаться до конца. Крик упирался в стены тесной комнаты, полз по потолку, забивался в углы.

Коля сидел рядом на табуретке. Держал его за руку. Не сжимал — просто держал, чтобы отец чувствовал: кто-то здесь. Хотя отец, наверное, не чувствовал. Уже давно.

Три года.

Три года Сергей Иванович Серебряков не узнавал сына. Три года смотрел сквозь него мутными глазами, в которых иногда мелькало что-то — не узнавание, нет, скорее проблеск узнавания — и тут же гасло. Как спичка на ветру.

Ему было сорок пять. Выглядел старше, лет на шестьдесят. Лицо обвисло, щёки запали, руки — большие, рабочие руки строителя — лежали поверх одеяла, бесполезные. Он не мог застегнуть пуговицу. Не мог довести ложку до рта. Не мог вспомнить, как зовут единственного сына, который каждую ночь сидел рядом и держал его за руку.

Деменция. Третья стадия. Врачи говорили — необратимо. Лекарства замедляют, не лечат. Можно сделать комфортнее. Удобнее. Тише. Но не лучше. Никогда не лучше.

Коля не плакал. То есть — плакал пока никто не видел, но не за себя. Он чувствовал боль отца — через кожу, через пальцы, через эту сухую горячую ладонь, которая иногда сжималась в кулак, а иногда обмякала, как тряпка. Чужая паника передавалась ему физически: по спине пробегал холодный пот, сердце сбивалось с ритма, в груди замирал тяжёлый комок. Он чувствовал, как отцу страшно — там, внутри, в темноте, которая пожирала его по кусочку. Отец не понимал, где он. Не понимал, что с ним. Но боялся — это Коля знал точно. Чувствовал.

Он с детства чувствовал чужую боль — физически, через кожу, через прикосновение. Мать говорила: «Ты слишком много берёшь на себя, Коленька.» Мать трагически погибла, когда ему было восемь.

Отец кричал. Потом замолчал. Потом задышал ровнее — захрипел, засопел, провалился обратно в сон.

Коля аккуратно положил руку спящего отца. Он продолжал сидеть на стуле рядом с его кроватью..

Утро было серое. Ноябрьское. Свет из окна — жидкий, неживой. Батарея еле грела. В квартире пахло лекарствами, кислым бельём и старостью, болезнью, безнадёжностью. Этот запах въелся в стены. Коля давно перестал его замечать, но иногда, возвращаясь с улицы, ловил его в дверях — и каждый раз останавливался на секунду, как будто входил не домой, а в больницу.

Он встал. Отец не шевельнулся.

Коля прошёл на кухню. Чайник. Вода. Газ. Спичка. Щелчок. Пламя.

Он стоял у плиты и ждал, пока закипит, и смотрел в стену. Не думал — просто стоял. Думать было не о чем. Всё уже было передумано. Врачи — были. Все, какие есть в этом городе. Таблетки — были. Уколы — были. Массаж, упражнения для памяти, карточки с картинками, которые отец разглядывал с вежливым непониманием, — всё было.

Ничего не помогло.

Чайник засвистел. Коля выключил газ. Налил кипятка в кружку, бросил пакетик чая. Пока чай заваривался — открыл шкаф.

Верхняя полка. За стопкой полотенец. Жестяная коробочка из-под чая — старая, с облупившимися розами на крышке. Бабкина.

Он доставал её и раньше. Много раз. Перебирал содержимое: засушенный пучок какой-то травы, поблёкший, почти рассыпавшийся; моток выцветшей ленты; фотография — молодая женщина с косой, строгое лицо, глаза как у Коли, — бабка Аграфена, единственный снимок; и тетрадь. Тонкая. Школьная. В клетку. И несколько отдельных листков, сложенных вчетверо, засунутых между страницами.

Коля сел за стол. Положил тетрадь перед собой. Раскрыл.

Почерк корявый, буквы крупные, с наклоном вправо. Некоторые слова написаны так, как будто бабка забывала, как пишется, и выводила по памяти, на слух. Орфография хромала. Но читать можно было.

Он читал это уже раз двадцать. Может, тридцать. Знал почти наизусть. Но каждый раз — открывал снова. Как будто надеялся увидеть что-то новое. Что-то, что пропустил.

Первая страница:

«Заболоть. За болотами, в глуши. Колеса не пройдут — пешком только. Улица одна. Избы старые, почерневшие от времени. Крыши мхом поросли, как шубой. Не свисти. Не ври.»

Дальше — про людей:

«Матвяна — старшая. Глаза у неё старые, видят насквозь. Слово её — закон. Не перечить ей, не спорить. Слушать и кивать. Она лес слышит лучше нас.»

«Велец — лекарь. Тихий, незаметный, словно мышь. Но руки у него тёплые, золотые. Берётся за тех, кого городские врачи списали. Если Велец взялся — живи.»

«Кудеяра — огонь. Рыжая, красивая, да ядовитая. Как мухомор: глядеть приятно, а тронешь — беда. С ней тише будь, глаз не отводи, но и не заглядывайся. Память у неё долгая, а злоба — липкая.»

Потом — про лес:

«В лес — с поклоном. Скажи: «Здорово, Хозяин. Дозволь пройти.» Не свисти — сочтёт за вызов. Не ври — лес чует ложь, как волк чует страх. Не бери, что у тропы лежит, — не твоё.

Дух Леса — не злой. Он — обиженный. На меня — обиженный. Помни это.»

Эта строчка всегда останавливала Колю. «На меня — обиженный.» Бабка не объясняла. Дальше шло про травы — названия, рецепты, способы приготовления. Некоторые Коля не мог даже прочитать — почерк расплывался, чернила выцвели.

И на одном из отдельных листков — строчка, которую Коля перечитывал чаще всего:

«Когда медицина бессильна, остаётся только Заболоть. Они берутся за безнадежных. Но каждый вылеченный — должен отдать взамен. Равновесие нарушать нельзя. Цена всегда равна исцелению. И часто — выше.»

Коля закрыл тетрадь. Положил ладони на обложку. Посидел.

Бабка Аграфена умерла, когда ему было пятнадцать. Тихо, во сне, как будто просто решила — хватит. Она жила с ними последние годы: сухая, молчаливая старуха, которая пахла травами и редко выходила из своей комнаты. Отец с ней почти не разговаривал — Коля не понимал почему. Что-то было между ними — не ссора, не обида, а скорее стена. Тонкая, прозрачная, но непроходимая.

Бабка иногда рассказывала Коле про лес. Про деревню. Он слушал, как слушают сказки, — с интересом, но без веры. Потом она умерла, и сказки остались в тетрадке, а тетрадка — в жестяной коробке, а коробка — на верхней полке за полотенцами.

Отец тогда ещё не болел. Работал на стройке, пил по выходным — не запоями, но стабильно, — и постепенно превращался в того человека, которого Коля теперь кормил с ложки.

Деменция началась через два года после смерти бабки. Сначала — забывал мелочи: ключи, имена соседей, куда положил телефон. Потом — больше: не помнил, что ел на завтрак, путал дни недели, уходил из дома и не мог найти дорогу обратно. Потом — перестал узнавать сына.

Врачи сказали: ранняя деменция. Бывает. Генетика, алкоголь, стресс.

Томография показала — всё. Конец. Дальше — только хуже.

И вот теперь он сидел на кухне, в шесть утра, с кружкой остывшего чая, и смотрел на бабкину тетрадку. И думал.

Не о духах. Не о сказках. Думал — а что, если?

Просто — а что, если бабка не врала?

«Есть хвори, от которых городские врачи шарахаются. А наши — берутся.»

Бред. Конечно, бред. Записки старой женщины, которая верила в леших. Но что у него ещё есть? Томография? Таблетки, которые не помогают? Тишина, которая съедает отца живьем?

А что, если там — правда? Хоть какая-то?»

Коля допил чай. Холодный.

Встал. Подошёл к двери отцовской комнаты. Приоткрыл. Отец спал. Дышал ровно. Лицо — серое, чужое, старое.

Всего сорок пять лет. Через год — может не узнать собственные руки.

Коля закрыл дверь. Тихо.

Достал телефон. Набрал номер.

— Марья Ивановна? Доброе утро. Простите, что рано. Вы не могли бы посидеть с отцом? Мне нужно уехать. Нет, ненадолго, до вечера. Спасибо. Спасибо, Марья Ивановна.

Положил трубку. Постоял.

Потом сунул тетрадку в карман куртки. Прижал ладонь к нагрудному карману — почувствовал через ткань: верёвочка с гвоздём. Амулет. Бабка повесила ему на шею, когда ему было десять. Сказала — не снимай. Он не снимал. Не потому что верил — потому что обещал.

Вышел из квартиры. Закрыл дверь.

На лестничной площадке остановился. Посмотрел на дверь. За ней — отец, который его не узнаёт. Квартира, которая пахнет болезнью. Жизнь, которая никуда не ведёт.

Бред. Сказки мёртвой бабки.

Но что у меня ещё есть?

Коля спустился по лестнице. Вышел во двор. Сел в машину. «Жигули», девяносто девятого года, ржавые, с треснутым зеркалом. Повернул ключ. Двигатель кашлянул, подумал, завёлся.

Поехал.

Глава 2. Дима

Проходная завода «Красный путь» выглядела так, будто её построили в семидесятых и с тех пор только подкрашивали — каждый раз всё более безнадежным оттенком зелёного. Краска пузырилась. Стекло в окошке было мутное, с трещиной наискось, заклеенной изолен-той. Над дверью висела табличка «ОХРАНА», но буква «О» давно отвалилась, и получалось «ХРАНА», что, по мнению Димы, звучало честнее.

Коля заглушил двигатель. «Жигули» дёрнулись и затихли — с таким звуком, будто испу-стили дух.

Через мутное стекло было видно: Дима сидит в будке. Ноги на столе. В одной руке — кружка, в другой — газета. Газету он, скорее всего, не читал — Дима не читал газет, — но держал перед собой, потому что так выглядело солиднее. Или потому что больше в будке делать было нечего.

Коля открыл дверь будки. Не постучал — они давно не стучали.

— О, — сказал Дима, не опуская газету. — Живой.

— Живой.

— Чай будешь?

— Нет.

Дима опустил газету. Посмотрел. У него было широкое открытое лицо, ямочки на щеках, кривой нос — сломанный в драке, той самой, в первый день десятого класса, когда они позна-комились. На шее — тату: дракон, ползущий из-под воротника, и какие-то иероглифы на пред-плечье, которые, по словам Димы, означали «храбрость», а по словам китайского ресторана на углу — «суп из утки». Глаза — ясные, без хитрецы, с той прямой простотой, которая бывает у людей, не привыкших прятаться за словами.

Он посмотрел на Колю — и перестал улыбаться.

— Чего такой?

— Разговор есть.

Дима снял ноги со стола. Отодвинул кружку.

— Садись.

Коля не сел. Остался стоять в дверях. Достал из кармана тетрадку — тонкую, школьную, в клетку. Положил на стол перед Димой.

— Это бабкино.

Дима посмотрел на тетрадку. Потом на Колю. Потом снова на тетрадку.

— Аграфены?

— Да.

— И чего?

— Почитай. Вот тут. — Коля раскрыл на середине, ткнул пальцем. — И вот тут. — Перевернул несколько страниц. — И этот листок.

Дима читал медленно. Шевелил губами. Лоб наморщился. Коля ждал. За окном будки проехал грузовик — стекло задрезало. Где-то на территории завода лязгнуло железо.

Дима поднял голову.

— Заболоть?

— Да.

— Деревня в лесу за болотами?

— Да.

— Старейшины лечат то, чего врачи не могут?

— Да.

Дима закрыл тетрадку. Аккуратно. Положил ладонь сверху. Посмотрел на Колю. Долго.

— Коль.

— Что.

— Это бред.

Коля не ответил.

— Записки мёртвой бабки, — сказал Дима. — Которая верила в леших и домовых. Которая кашу за печку ставила. Коль, ты серьёзно?

— У бабки были свои странности, — сказал Коля. — Но она не врала. Никогда. Ни разу за всю жизнь — не соврала.

— Это не значит, что...

— Дим. — Коля перебил. Голос тихий, хриплый. — Правда или нет — не важно. Важно, что у меня нет другого выхода. Три года он не знает, кто я. Медицина бессильна. Они сказали: «Привыкайте». А я не хочу привыкать к тому, что отец умирает у меня на руках. Если там есть хоть шанс... я пойду.

Тишина.

За окном снова лязгнуло. Потом загудело. Потом стихло.

— Ты хочешь туда поехать, — сказал Дима. Не спросил — сказал.

— Да.

— В деревню, которой, может, нет.

— Может, нет.

— Искать людей, которые лечат... чем? Травами? Словом? Заговорами?

— Не знаю. Бабка не писала подробностей.

— И ты — вот так — встанешь и поедешь. Один. В лес. В болото. Искать деревню из бабкиной тетрадки.

— Да.

Дима откинулся на стуле. Провёл ладонью по лицу. Посмотрел в потолок. Потолок был серый, в разводах — прошлой зимой текло.

— Ладно, — сказал Дима. — Я с тобой.

— Нет.

Слово упало между ними как камень. Дима даже не сразу понял — моргнул, нахмурился, наклонился вперёд.

— Чего — нет?

— Не пойдёшь. Я не хочу тобой рисковать.

— Рисковать? — Дима поднял брови. — Чем рисковать? Ты же сам не знаешь, что там. Может, там ничего нет. Может — поле, болото и три берёзы.

— А если не три берёзы.

— Тем более! Тем более — не один!

— Дим.

— Что — Дим?!

Коля молчал. Смотрел. Тёмно-карие глаза — в упор, не моргая. Дима знал этот взгляд. Четырнадцать лет дружбы. С этим взглядом Коля прыгнул с крыши гаража, когда им было по шестнадцать, — не потому что хотел, а потому что младший Федькин сказал, что его кот застрял на козырьке и не может слезть. Кот, правда, слез сам — за секунду до того, как Коля прыгнул. Коля сломал ногу. Кот сидел рядом и вылизывался.

С этим взглядом Коля пошёл в армию — не потому что хотел, а потому что отцу нечем было платить за институт. С этим взглядом он вернулся, устроился на две работы и начал ухаживать за отцом, когда тот перестал узнавать собственную квартиру.

Этот взгляд означал: решил.

Дима встал. Стул скрипнул.

— Ты всегда так, — сказал он. Тихо, но с нажимом. — Один. Герой. Всё сам. Никого не подпускаешь. А если сдохнешь — мне что? На могилку цветы носить? Разговаривать с табличкой? «Привет, Коль, ну как ты там, я тебе ромашек принёс»?

Коля не ответил.

— Ты не потому меня не берёшь, что обо мне переживаешь, — сказал Дима. И голос его стал другим — тихим, злым, точным. — Ты не берёшь, потому что тебе на себя плевать. Тебе — всё равно, что с тобой будет. А раз всё равно — зачем кого-то тащить за собой. Так?

Тишина.

Коля стоял в дверях. Рука — на косяке. Пальцы — сжаты.

— Я позвоню, — сказал он.

— Коля.

— Позвоню, когда вернусь.

Он повернулся. Вышел. Дверь закрылась — мягко, без хлопка.

Дима стоял в будке. Смотрел через мутное стекло, как Коля садится в «Жигули», как заводит мотор, как выезжает со двора. Смотрел, пока машина не скрылась за поворотом.

Потом сел. Взял кружку. Чай остыл.

— Дурак, — сказал Дима. Негромко. В пустую будку.

Поставил кружку. Взял газету. Не читал.

Глава 3. Библиотека

Городская библиотека имени Крупской располагалась в здании бывшего купеческого дома — двухэтажном, кирпичном, с облупившимися колоннами у входа и вывеской, на которой половина букв выгорела на солнце. Внутри пахло пылью, старой бумагой и чем-то сладковатым — может, клеем, которым подклеивали корешки, а может, просто временем.

Коля толкнул дверь. Колокольчик над притолокой звякнул — тонко, жалобно, как будто извинялся за беспокойство.

Внутри было пусто. Длинный зал, стеллажи от пола до потолка, лестница на второй этаж — деревянная, скрипучая. Свет из высоких окон ложился полосами на пол, и в полосах клубилась пыль — медленно, лениво, как будто здесь даже пыль никуда не торопилась.

За стойкой у входа сидела девушка.

Коля не сразу обратил на неё внимание. Он прошёл вдоль стеллажей, провёл пальцем по корешкам — краеведение, история, география. Вытащил одну книгу — «Населённые пункты N-ской области. Справочник. 1978 год.» Полистал. Поставил обратно. Вытащил другую — «Топонимика болотных урочищ Средней полосы». Толстую, тяжёлую, с запахом подвала. Полистал. Ничего.

Он двигался вдоль полок, наклонялся, шурился, читал выцветшие надписи на корешках. Бормотал — тихо, себе под нос, почти беззвучно:

— Заболоть... Заболоть...

Перебирал книги. Карты. Старые подшивки районной газеты. Ничего. Никаких упоминаний. Как будто деревни не существовало. Как будто бабка её выдумала.

Может, и выдумала.

Он вытащил ещё одну книгу — «Забывшие деревни России» — и раскрыл на оглавлении. Повёл пальцем по списку. Заболотино. Заболотное. Заболотье.

Заболоть — нет.

— Заболоть, — сказал он вслух. Чуть громче, чем собирался.

И услышал, как за спиной что-то упало.

Звук был мягкий — книги, несколько штук, одна на другую. Не грохот — шлепок. Как будто кто-то держал стопку и вдруг разжал пальцы.

Коля обернулся.

Девушка за стойкой стояла. Не сидела — стояла. Секунду назад она сидела — Коля видел краем глаза, — а теперь стояла, и руки у неё были пустые, а на полу перед стойкой лежали четыре книги, веером, раскрытые.

Она смотрела на Колю.

Нет — она смотрела на то место, где он стоял. Или — сквозь него. Или — на слово, которое он только что произнёс.

Тёмные волосы, собранные в косу. Бледная кожа — не болезненная, а такая, как у людей, которые мало бывают на солнце. Серые глаза — внимательные, неподвижные. На шее — медальон на цепочке. Руки — вдоль тела. Пальцы сжаты.

Коля смотрел на неё. Она смотрела на него. Секунда. Две. Три.

— Простите что напугала, — сказала она. Голос тихий, ровный.

Она присела, начала собирать книги. Быстро, не глядя на него. Руки, ее руки дрожали.

Он закрыл свою книгу. Поставил на полку. Подошёл к стойке. Не торопясь, но и не медля, как будто боялся, что она исчезнет, если он замешкается.

Девушка уже сидела. Книги — стопкой, ровно. Руки на столе — ладонями вниз, как будто она прижимала их к поверхности, чтобы не дрожали. Смотрела в стол.

— Извините, — сказал Коля.

— Ничего. — Не подняла глаз.

— Я ищу информацию. Про деревню.

— У нас большой краеведческий отдел. Второй этаж, направо.

— Я был. Не нашёл.

Тишина. Пыль в полосах света.

— Какую деревню? — спросила она.

Голос был ровным. Слишком ровным. Как натянутая струна.

Но Коля смотрел не на лицо. Он смотрел на её руки.

Пальцы, прижатые к столешнице, побелели в суставах. Она давила на дерево так, словно хотела продавить его насквозь, удержать себя, не дать телу дрогнуть. А вторая рука, лежавшая рядом со стопкой книг, мелко, часто дрожала. Не от холода. От напряжения.

И ещё — медальон.

Когда он произнёс «Заболоть», пальцы Наташи инстинктивно метнулись к шее, сжали серебряный круг на цепочке. Жест защиты. Или боли.

Коля замер.

Он видел этот жест раньше. Так люди хватаются за сердце, когда им становится плохо. Или так держатся за единственное, что осталось настоящего, когда мир рушится.

Она не просто услышала название. Она почувствовала его.

Девушка опустила глаза. Смотрела в стол, в пылинки, танцующие в луче света, но не поднимала взгляда. Боялась.

Коля понял: она знает.

Не просто читала в справочниках. Она знает эту деревню изнутри. Из памяти. Из боли.

Тишина повисла густая, липкая.

Коля медленно, чтобы не спугнуть, достал из кармана куртки обрывок тетрадного листа. Написал номер телефона. Положил на стойку. Не близко, не далеко — ровно посередине, между ними. Как мост.

— Меня зовут Коля, — сказал он тихо. Без нажима. — Отец болен. Деменция. Три года. Не узнаёт меня. У бабки остались старые записи. Про деревню. Заболоть. Может, бред. Не знаю. Но если вы что-то знаете... — он сделал паузу, глядя на её побелевшие пальцы, — ... позвоните. Пожалуйста.

Она не подняла глаз. Не шевельнулась. Бумажка лежала на стойке.

Коля подождал несколько секунд.

— Спасибо, — сказал он. — Извините за беспокойство.

Повернулся. Пошёл к выходу. Колокольчик звякнул. Дверь закрылась.

Наташа сидела за стойкой. Не двигалась.

Бумажка лежала перед ней. Цифры, написанные торопливым почерком. Номер телефона.

Она подняла руку. Медленно. Взяла бумажку. Посмотрела на цифры.

Потом — сжала медальон на шее. Сжала так, что пальцы побелели.

Заболоть.

Пять лет. Она не слышала этого слова. Не произносила. Запретила себе вспоминать. Сменила жизнь: библиотека, маленькая комната, тишина. Стала невидимой. Просто библиотекарь. Раскладывала книги. Кивала читателям. Делала вид, что живёт.

И вот — парень в потёртой куртке. Тёмные глаза. Смотрит — в упор, не моргая. Произносит слово, которое она запретила себе помнить. И мир — наклоняется, сдвигается, и пол уходит из-под ног, и книги летят на пол, и руки дрожат, и медальон жжёт шею, как будто нагрелся сам по себе.

Наташа разжала пальцы. Медальон качнулся. Она положила бумажку на стол. Разгладила. Посмотрела на цифры.

Вечером. Позвонит вечером. Или не позвонит. Или — нет. Позвонит. Забудет. Нет. Позвонит.

Она убрала бумажку в карман. Взяла книгу с верху стопки. Раскрыла. Но не читала, просто сидела.

За окном — серый ноябрьский свет. Пыль в полосах. Тишина.

Пальцы больше не дрожали. Но медальон — всё ещё был горячий.

Глава 4. Звонок и кафе

Телефон зазвонил в девять вечера.

Коля сидел на кухне. Отец спал — Марья Ивановна накормила его, дала таблетки, уложила. Тихая, терпеливая женщина, шестьдесят два года, бывшая медсестра, живёт дверь в дверь. Коля платил ей, сколько мог. Она брала, но всегда говорила — не в деньгах дело. Говорила: «Серёжа хороший мужик. Просто не повезло.»

Коля сидел и перечитывал бабкину тетрадку. В сотый раз. Или в двухсотый. Водил пальцем по строчкам, как будто мог выдавить из корявого почерка ещё что-нибудь — координаты, карту, адрес. Ничего. Только названия — Заболоть, Матвяна, Велец. Только правила — поклон, не свистеть, не врать. Только обрывки — «Хвори такие есть, тут за них берутся. В городе — руки опускают. Тут возьмутся. Да дорого. Не рублём».

Телефон зазвонил.

Номер незнакомый. Коля посмотрел на экран. Помедлил. Взял трубку.

— Аллю.

Тишина. Потом — голос. Тихий, ровный, чуть хриловатый, как будто человек долго молчал и разучился говорить.

— Это я. Из библиотеки.

Коля сел прямее. Тетрадка осталась раскрытой на столе.

— Я вас слушаю.

— Я... — пауза. Длинная. — Я знаю это место.

Коля сжал телефон.

— Пожалуйста. Расскажите.

— Не по телефону. — Голос стал твёрже. — Завтра. Кафе на углу Ленина и Советской. Маленькое, с зелёной вывеской. В два.

— Приду.

— Один. Без друзей. Без записей. Просто — поговорим.

— Хорошо.

Пауза. Коля ждал. Слышал, как на том конце — дыхание. Неровное.

— Как зовут? — спросил он. — Вас.

Долго. Потом:

— Наташа.

Гудки.

Кафе было маленькое и полупустое. Три столика у окна, стойка с пирожками, кофемашина, которая сипела и кашляла, как старик с бронхитом. Вывеска действительно зелёная — «Берёзка».

Он пришёл в без десяти два. Сел у окна. Заказал кофе — чёрный, без сахара. Кофемашина покашляла и выдала что-то мутное и горячее. Коля пил и смотрел на улицу. Ноябрь. Голые деревья. Небо — ровное, серое, без единого просвета, как потолок в Диминой будке.

Она пришла в пять минут третьего. Он увидел её через стекло — шла быстро, как человек, который хочет прийти и одновременно хочет развернуться. Тёмная куртка. Коса. Руки в карманах.

Вошла. Открылась дверь, вскоре Коля почувствовал, как по полу пополз холодный воздух с улицы.

Наташа увидела Колю. Подошла. Не села. Стояла рядом со столиком. Смотрела.

— Садитесь, — сказал Коля.

Она села. Осторожно. Как будто стул мог оказаться ненастоящим.

— Кофе?

— Нет. Да. Ладно.

Коля поднял руку. Женщина за стойкой кивнула. Кофемашина снова закашляла.

Они сидели. Наташа — прямо, руки на столе, пальцы сплетены. Медальон на шее — поверх свитера, тусклый, круглый, с каким-то узором, который Коля не мог разобрать. Серые глаза смотрели на кружку, которую принесли и поставили перед ней.

Молчание. Минута. Две.

Наташа подняла кружку. Отпила. Поставила. Руки — Коля видел — подрагивали. Чуть-чуть, едва заметно. Но подрагивали.

Потом — заговорила.

— Я там родилась.

Коля не шевельнулся. Смотрел. Слушал.

— В Заболоти. — Она произнесла это слово так, как произносят имя человека, которого любили и потеряли. — Родилась, выросла, жила. До семнадцати лет.

Пауза. Она смотрела в кружку. Кофе остывал.

— Деревня — настоящая. Всё, что ваша бабка написала, — правда. Старейшины. Лес. Правила. Лечение. Всё — правда.

— Вы сказали — до семнадцати, — тихо сказал Коля.

— Да.

— А потом?

— Потом — изгнали.

Слово прозвучало ровно. Без дрожи. Без объяснений. Как печать на документе.

— Пять лет назад, — сказала Наташа. — Нарушила правило. Сделала то, чего не делают. Деревня — не прощает.

— Что произошло? — спросил Коля.

Наташа посмотрела на него. Серые глаза — внимательные, неподвижные. Не враждебные. Просто — закрытые.

— Это не ваша история, Коля. Пока — не ваша.

Тишина. За стойкой женщина протирала стаканы. Скрипело стекло.

— Понял, — сказал Коля. И не стал давить. Просто кивнул. — Извините.

— Ничего, — ответила Наташа. И впервые за разговор — чуть выдохнула. Спина распрямилась на миллиметр. — Вам пока нужно знать только одно: туда нельзя просто прийти. И нельзя просто уйти. За всё — плата. И за вход, и за выход. Запомните это. Остальное — потом. Если дойдёте.

— Не надо. — Наташа подняла глаза. Серые. Прямые. В них было что-то — не злость, не обида. Усталость. Пятилетняя усталость от жизни, в которой ты знаешь, что дом есть, но дверь заколочена, и заколотила — ты сама. — Не надо жалеть. Я виновата. Это — факт.

Коля кивнул. Не стал спорить. Подождал.

— Вы сказали — там лечат, — сказал он.

— Да, я знаю, что такое деменция, — перебила Наташа. — В деревне — лечат. Не всё. Но то, от чего в городе отказываются, — лечат. Велец — целитель. Он... у него другие способы. Не медицинские. Но работают.

— Как?

— Не знаю точно. Я была ребёнком. Видела — приходили больные, уходили здоровые. Не все. Не всегда. И всегда — с платой.

— С платой?

Наташа посмотрела на него. Долго.

— Там ничего не бывает бесплатно. Ничего. Каждое лечение — имеет плату. Не деньги. Другое. Я не знаю, что именно попросят. Но попросят.

Коля помолчал. Потом:

— Вы можете показать дорогу?

Наташа закрыла глаза. На секунду — не дольше. Открыла.

— До границы леса. Дальше — мой путь кончается. Изгнание. Лес помнит моё имя. Дух не откроет дорогу. А если переступлю... — Наташа опустила глаза. — Не знаю, чем отзовется. Но ничего доброго там нет.

— До границы — хватит, — сказал Коля.

— Вы не понимаете. — Наташа наклонилась вперёд. — Там — опасно. Лес — опасен. Деревня — не любит чужих. Старейшины — могут отказать. Могут прогнать. Могут сделать хуже, чем было. Вы идёте — вслепую, по запискам покойной бабушки.

— Понимаю.

— Нет. Не понимаете. — Она сжала руки. Костяшки побелели. — Я — оттуда. Я знаю, что это такое. Пять лет — здесь, в городе, и каждый день — помню. Каждую ночь. Там — не сказка. Там — правила. Нарушишь — заплатишь.

— Я понимаю, — повторил Коля.

— Нет, — сказала Наташа. — Вы говорите «понимаю», а в глазах у вас — «мне всё равно, что будет со мной». Я это вижу. Это — плохо. Это — именно то, что там чувствуют. Существа. Дух. Они чувствуют тех, кому на себя наплевать. И таких — не уважают.

Тишина. Длинная. Тяжёлая.

Коля сидел. Наташа сидела. Кофе давно остыл.

— Мне не наплевать, — сказал Коля.

Наташа смотрела на него. Молча.

— Мне не наплевать на себя. Мне — всё равно, что будет со мной. Это разные вещи.

— Это одно и то же, — сказала Наташа.

Снова тишина.

— Я хочу помочь, — сказала она. Тихо. — Потому что не смогла помочь своим. Потому что моя бабка умерла, и я не смогла ничего сделать, и пять лет живу с этим. Потому что — может быть — если помогу вам — станет чуть легче.

Она посмотрела в окно. За стеклом — голые ветки, серое небо.

— Покажу дорогу. До границы леса. Пойду с вами — через лес. Расскажу правила. Предупрежу. Но в деревню — не войду. Не могу.

— Спасибо, — сказал Коля.

— Не благодарите. — Наташа повернулась к нему. — Ещё не за что.

Она встала. Застегнула куртку. Посмотрела сверху вниз.

— Завтра вечером, — сказала она. Встала. Застегнула куртку. — Кафе закрывается. Встретимся у тебя.

Коля кивнул. Достал ручку, оторвал уголок бумажной салфетки. Написал: улица, дом, квартира. Положил перед ней.

Она прикрыла бумажку ладонью. Не подняла глаз.

— Приду. Расскажу, что нужно знать, прежде чем входить в лес. Без этого — не дойдёте.

— Хорошо.

— И вот что. — Она помедлила. — Не берите друга. Того, который хотел с вами.

Коля поднял брови. Он не говорил ей о Диме.

— Я не знаю, кто он, — сказала Наташа. — Но в лесу нельзя вести за руку. Там каждый шаг — выбор. Кто не знает правил — нарушит их. Не со зла. От страха, от усталости, от незнания. А лес не различает «нарочно» и «случайно». Нарушил — тропа закрывается. Или уведёт. Навсегда. Он не готов. А лес не ждёт, пока подготовятся. Он принимает или отторгает. В одиночку — ты имеешь шанс. С ним — рискуете оба.

Она пошла к двери. Остановилась. Не оборачиваясь:

— Ваша бабка — Аграфена?

— Да.

Пауза. Наташа стояла спиной.

— Она — не плохая была. Но для деревни — предательница. Помните это. Когда назовёте её имя — на вас посмотрят так, как на меня смотрели при изгнании.

Вышла. Дверь закрылась. Холодный воздух — и снова тепло.

Коля сидел. Кружка перед ним. Кружка перед пустым стулом. Две кружки — два остывших кофе.

Он достал бабкину тетрадку. Раскрыл на странице, которую знал наизусть:

«Дух леса — не злой. Обиженный. На меня — обиженный.»

Закрыл. Убрал.

Глава 5. Подготовка

Наташа пришла в семь.

Коля открыл дверь — она стояла на площадке, руки в карманах, коса через плечо. Не улыбалась. Впрочем, Коля ещё ни разу не видел, чтобы она улыбалась.

— Проходите.

Она вошла. Остановилась в коридоре. Огляделась — быстро, цепко, как человек, который привык оценивать место. Тесно. Обои в цветочек, старые, местами вздувшиеся. Вешалка — куртка, шарф, шапка. Запах — лекарства, кислое бельё. Тот самый запах.

Наташа не поморщилась. Только ноздри чуть дрогнули.

— Отец — там? — Кивнула на закрытую дверь.

— Спит.

— Можно?

Коля помедлил. Потом кивнул. Открыл дверь — тихо, осторожно.

Комната. Маленькая. Кровать, тумбочка, стул. На тумбочке — таблетки, стакан воды, салфетки. На кровати — отец. Спал на спине, рот приоткрыт, дыхание хрипловатое, ровное. Лицо серое. Руки поверх одеяла — большие и спокойные.

Наташа стояла в дверях. Смотрела. Долго. Лицо её — Коля видел — изменилось. Не сильно, не заметно для чужого, но он видел: что-то дрогнуло. В глазах, в линии рта, в том, как она сжала губы — на секунду, не дольше.

Потом отвернулась.

— Идёмте на кухню.

Они сидели за столом. Коля — с кружкой чая, Наташа — без ничего. Она отказалась — от чая, от воды, от всего. Сидела прямо, руки на столе, ладони вниз.

— Слушайте внимательно, — сказала она. — Я расскажу один раз. Вы не будете записывать. Вы запомните. Если не запомните — лучше не ходить.

Коля кивнул.

— Лес, — начала Наташа. — Лес — это не лес. То есть — лес. Деревья, тропы, болото. Но он — живой. Не как дерево живое. Как... — она искала слово, — ...как хозяин живой. Это его дом. Вы — гость. Незваный. Нежеланный. Он вас терпит — или не терпит. Зависит от вас.

Она говорила ровно, чётко — как заученное. Как молитву, повторённую тысячу раз.

— Правила. Шесть. Нарушите хотя бы одно — тропа исчезнет. Заблудитесь. Не выйдете. Или — выйдете, но не таким, каким вошли.

Она подняла палец. Один.

— Первое. Не свистеть. Ночью — особенно. Дух Леса принимает свист за вызов. Вызов — значит, вы хотите встретиться. Вы — не хотите.

Второй палец.

— Второе. Кланяться. При входе в лес — поклониться и сказать: «Здорово, Хозяин. Дозвольте пройти.» Без этого — не войдёте. Тропа не появится. Или появится, но заведёт — не туда.

Третий.

— Третье. Не врать. Ни слова лжи. Ни полслова. Лес чувствует ложь — как мы чувствуем запах. Соврёте — тропа исчезнет. Мгновенно.

Она сжала руку в кулак. Три пальца.

— Остальные — узнаете в лесу. Когда будут нужны. Сейчас главное — не свистеть. Поклониться. Не врать. И — уважение. Не зли Духа. Он — не злой. Он — обиженный. Дважды обиженный. Один раз — из-за вашей бабки. Один раз — из-за меня.

Коля молчал. Запоминал. Не записывал.

— Повторите, — сказала Наташа.

Коля повторил. Всё. Слово в слово.

Наташа кивнула. Не удивилась — как будто ожидала. Или как будто ей было всё равно. Но Коля видел что это не так.

— Теперь — про деревню, — сказала она. — Когда дойдёте.

Она помолчала. Собиралась с мыслями — или с чем-то другим. С решимостью, может быть.

— Деревня — закрытая. Чужих не любят. Раньше — иногда пускали. После того, что сделала ваша бабка, после того, что сделала я, — перестали. Дух закрылся. Стал строже. Вы наверное первый чужак за это время.

— Почему тогда он пустит меня?

— Может — не пустит. Но — кровь. Вы — её кровь. Аграфены. Дух это чувствует. Она была... — Наташа запнулась. — Она была его любимицей. Он ей доверял. Она ушла — он обиделся. Но кровь — помнит.

— Что мне сказать? Когда дойду?

— Правду. Только правду. Скажите — внук Аграфены. Скажите — отец болен. Скажите — пришёл просить. Не требовать. Просить. Это важно. Там не терпят тех, кто требует.

Коля кивнул.

— И вот что ещё, — Наташа помедлила. — Не ждите, что обрадуются. Когда произнесёте имя Аграфены — на вас посмотрят... плохо. Она для них — предательница. Бросила деревню. Бросила людей, которых лечила. Ушла ночью, без предупреждения. Для закрытой общины это — хуже воровства. Хуже убийства. Это — предательство.

Тишина. За стеной — приглушённый храп отца.

— Я понял, — сказал Коля.

— Понимаете — и всё равно пойдёте.

— Да.

Наташа смотрела на него. Секунду. Две. Пять. Потом — едва заметно кивнула. Не одобрительно — скорее так, как кивают, когда слышат то, что ожидали услышать, и не знают, хорошо это или плохо.

— Ещё одно. В деревне — живут не только люди. Там — существа. Домовые, водяные, кикиморы. Дух Леса — главный, но не единственный. Они — повсюду. Для жителей — это нормально. Для вас — нет. Не пугайтесь. Не трогайте. Не нарушайте их правил. У каждого — свои. Вам расскажут. Если попадете в деревню.

Она встала. Застегнула куртку.

— Послезавтра. Рано утром. Попросите друга. Чтобы довёз. До самого края леса. Дальше — пешком. — Попросите, — повторила Наташа. Жёстко. — Или прикажите. Но довезёт. Три часа на машине. Потом — сутки пешком через лес. Вы не дойдёте, если перед этим ещё и за рулём просидите. Сил не хватит. А без сил — лес не примет.

Коля хотел возразить — и не стал. Она была права.

— Я буду ждать у леса, — сказала Наташа. — Приеду сама. Утром. К семи.

Она пошла к двери. Остановилась. Обернулась.

— Гвоздь, — сказала она.

— Что?

— На шее. Верёвочка с гвоздём. Это она вам дала? Аграфена?

Коля тронул шею. Верёвочка. Гвоздь — старый, кованый, маленький.

— Да. Когда мне было десять.

— Не снимайте. В лесу — не снимайте. — Она помолчала. — Это не амулет. Это — метка. Дух Леса по ней поймёт, чья вы кровь. Без неё может не пустить.

Она открыла дверь. Холодный воздух из подъезда.

— Наташа, — сказал Коля.

Она остановилась. Не обернулась.

— Спасибо.

— Не благодарите. — Тихо, через плечо. — Ещё не за что. Может — и не будет за что.

Ушла. Дверь закрылась.

Коля стоял в коридоре. Слушал, как её шаги стихают на лестнице. Потом — тишина.

Он вернулся на кухню. Сел. Перед ним — кружка с остывшим чаем. За стеной — дыхание отца. За окном — ноябрьская темнота.

Правила. Он помнил все, что сказала Наташа. Помнил — не головой, а глубже. Как помнят запах. Как помнят боль.

Не свистеть. Кланяться. Не врать. Уважать.

Ночь легла на город тяжёлым одеялом. Коля лежал на кухонном диванчике — узком, продавленном, с торчащей пружиной в левом боку. Привык. Спал здесь каждую ночь, чтобы быть ближе к отцовской двери. Закрыл глаза.

Послезавтра.

Верёвочка с гвоздём лежала на груди. Тёплая. Гвоздь — кованый, маленький, с неровной шляпкой. Бабка надела и сказала — не снимай. Он не снимал.

Теперь догадывался — почему.

Метка. Чтобы Дух узнал.

Коля лежал и не спал. Слушал, как за стеной дышит отец. Ровно. Спокойно. Как будто ничего не происходит. Как будто мир не наклонился.

И — вдруг — подумал. Не впервые, но — чётко. А если они правы? А если бабка — действительно предательница? Если он придёт — и его прогонят? Не потому что плохой — потому что не имеет права?

Внутри дрогнул холод. Не страх за дорогу. Страх — за своё место в этом мире. За право просить. За право быть услышанным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.